

DOI 10.4467/25439561KSR.17.011.7881

HANNA KOWALSKA-STUS
Uniwersytet Jagielloński
Kraków

БОГОСЛОВИЕ ГОСУДАРСТВА¹ И ВОПРОСЫ ГЕОКУЛЬТУРЫ

THEOLOGY OF THE STATE AND GEOCULTURE PROBLEMS

Streszczenie

Rozpad Związku Radzieckiego, a w rzeczywistości pierwszy poważny rozpad Imperium Rosyjskiego jako przestrzeni kulturowej, stworzył warunki do badań procesów geokulturowych. Badania te wymagają zastosowania innych metod niż używane w odniesieniu do geopolityki czy geokononomii. Geokultura niejednokrotnie może bardziej przekonująco wyjaśnić zachodzące w sferze polityki, czy gospodarki, zjawiska i pozwala przewidzieć polityczne działania, jak to było np. w przypadku Krymu w 2014 r.

W stosunku do Rosji nie możemy stawiać pytań w stylu Huntingtona dotyczących związków polityki i religii. Są one zbyt powierzchowne. Nieprzydatna jest także teologia polityki Karla Schmidta, ponieważ dowodzi, że: „Wszystkie współczesne precyzyjne pojęcia dotyczące państwa są zeświecczonymi pojęciami teologicznymi”², a sama rzeczywistość polityczna odzwierciedla raj bądź piekło. W centrum rosyjskiej tradycyjnej kultury politycznej znajduje się nie polityka, lecz człowiek dążący do przeobstwienia i państwo, które mu to umożliwia. Ani człowiek, ani państwo nie są utożsamiane z rajem lub piekłem.

Cele kultury, w jej bizantyjskiej odmianie, były ściśle związane z celami eschatologicznymi i pojmowane jako uniwersalne. Związek kultury z eschatologią nie miał charakteru

¹ Богословие государства понимается как «глагол государства и власти» (см. [Прот. Тимофей Фетисов](http://www.pravoslavie.ru/71506.html), образ идеального государства и власти в богословии ветхого завета, <http://www.pravoslavie.ru/71506.html>, дост. 12.09ю2017) заложен в Ветхом завете, который нашел свое христианское развитие в византийской доктрине государства. Доктрина эта связана с догмой Христа и эсхатологической идеей.

² К. Шмидт, *Политическая теология*, Москва 2000, с. 57.

politycznego czy ekonomicznego. To zagadnienie było przedmiotem sporu Rosji w XIX w. z kulturą europejską. Obrona tradycyjnej kultury rosyjskiej wówczas rozumiana była jako obrona jednostki, społeczeństwa i państwa. Kultura i państwo stanowią nawzajem dla siebie ochronne tarcze, co wymaga istnienia specyficznego stosunku łączącego obie te sfery. Geokultura tworzy kulturowe fundamenty zapewniające spójność i prawomocność całej przestrzeni imperium, nawet w okresie postimperialnym.

Rosja odziedziczyła od Greków przestrzenno-eschatologiczne postrzeganie świata. Nawet Związek Radziecki przyjął na siebie rolę przewodnika w przestrzeni materialistycznego eschatonu. Nie jest to związane z mesjanizmem, lecz z rodzajem kultury, która wypełnia swoją treścią przestrzeń eschatologiczną. Kultura rosyjska stanowi ilustrację faktu, że mieszkańców Rosji historia stawiała często przed zadaniami natury eschatologicznej. Były to jednocześnie te momenty, kiedy geokulturowa wspólnota przybierała nowe polityczne kształty i społeczeństwo borykało się z problemem dopasowania do nowych form politycznych, starając się zachować tożsamość. Analiza dziejów Rosji prowadzi do wniosku, że kryteria i mechanizmy geokulturowe w odniesieniu do przestrzeni geopolitycznej były dominujące. Kultura natomiast związana była z celami eschatologicznymi, których realizacja legitymizowała istnienie państwa.

Summary

The disintegration of the Soviet Union and, in fact, the first serious disintegration of the Russian Empire as a cultural space created conditions for testing geocultural processes. These tests require methods other than those used in relation to geopolitics or geoeconomy. Geoculture might often more convincingly explain phenomena occurring in the field of politics, economy and allows to account for political actions, as it was for instance in the case of the Crimea in 2014.

Cultural purposes in its Byzantine variant were closely related to eschatological objectives and conceived of as universal. Connection between culture and eschatology was neither political nor economic. This issue was a subject of dispute between Russia and European culture in the nineteenth century. Defense of traditional Russian culture at the time was understood as defense of an individual, society and the state. Culture and the state are protective shields for one another which requires existence of a specific relationship between both the spheres. Geoculture creates cultural foundations to ensure cohesion and legitimacy throughout the empire, even in the post-imperial period.

Russia inherited spatial-eschatological view of the world from Greeks. Even the Soviet Union assumed the role of a leader in the materialistic eschaton. It is not associated with messianism but with the type of culture that fills eschatological space with its content. Russian culture is an illustration of the fact that history often puts Russian citizens before eschatological tasks. They were also those moments when the geocultural community took on new political shapes and the society struggled with the problem of adaptation to new political forms trying to keep their identity. The analysis of Russian history leads to the conclusion that criteria and geocultural mechanisms were dominant in relation to geopolitical space. Culture was in turn associated with eschatological objectives, the implementation of which legitimized existence of the state.

Słowa kluczowe: Rosja, geokultura, teologia państwa

Key words: Russia, geoculture, theology of the state

Распад Советского Союза, обозначающий существенный распад русского мира, как геокультурного пространства является полем для исследования геокультурных процессов. Именно этот исторический факт и его последствия вызвал потребность применения другого аппарата исследований текущих процессов чем употребляемые до сих пор геополитикой и геоэкономикой. Геокультура способна объяснить происходящее более убедительно, чем геополитика и геоэкономика а также позволяет предвидеть будущее в преддверии политических действий.

Все, кто в России пишет на эту тему подчеркивают, что термин «геокультура» вошел в употребление благодаря книге американского автора Иммануила Валлерстайна *Геополитика и геокультура*, вышедшей в 1991 г.³. О культуре автор пишет с позиции политэкономии и понимает термин геокультура в смысле всемирной культуры. В одной из глав ставит вопрос: возможна ли всемирная культура⁴? Он исходит из положения, что если культура основана на ценностях то ценности как таковые всегда универсальные:

«Но, с другой стороны, не может существовать обоснования культурных ценностей и/или практических форм поведения иного, чем некие подразумеваемые универсальные или универсалистские критерии» (с. 131).

Доказательством для Валлерстайна являются права человека, признанные ООН общемировой ценностью (с. 132), которую первой провозгласила французская революция. Автор признал эту ценность культуротворческой.

Культурные партикуляризмы приравнивает он к национализмам и убеждает, что:

«В самом деле, разве не является одним из важнейших националистических требований приобщение к тем формам, которыми уже обладают наиболее привилегированные страны. (с. 133)? Мы можем, однако, прийти к миросистеме, построенной таким образом, чтобы стремиться в направлении к свободе и эгалитаризму» (с. 148).

Владимир Поляк геокультурные ценности Валлерстайна назвал «интеллектуальными конструкциями, какие стали ключевыми элементами «либеральной идеологии, в той мере, в которой, она стала геокультурой современной миросистемы в XIX и XX вв.»⁵. И это очень тонкая критика позиции Валлерстайна. Совсем обоснованно ее можно охарактеризовать как ненаучную, поскольку ав-

³ И. Валлерстайн, *Анализ мировых систем и ситуация в современном мире*, перев. П. М. Кудюкина, ред. Б. Ю. Кагарлицкий, Санкт-Петербург 2001

⁴ *Национальное и универсальное: возможна ли всемирная культура?* Там же.

⁵ В.С. Поляк, *Израиль и Россия в 21 веке: Геополитика – геоэкономика – геокультура*, Глава 3. *Геокультура*, <http://bdn-steiner.ru/modules.php?name=Books&go=page&pid=6402#3>, дост. 12.10.2017.

тор свои геокультурные выводы не обосновывает на изучении культур, даже западноевропейской или евроатлантической культуры. Единственная ссылка на квазикультуроведческую работу относится к книге F. Janeson. *Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism* (Durham, NC 1991). Во всем известной книге Валлерстайна не принимаются во внимание столь важные для ценностей в культуре области, как религия с ее антропологией, эстетикой и Богословием государства; литература или широко понимаемая философия.

Хотя Валлерстайн ввел термин геокультура в научный обиход, то необходимо подчеркнуть, что сама проблематика геокультуры рассуждалась в России уже с конца XVIII в. Русские историки, потом историко-социологи по другому понимали геокультуру. Поскольку задача культуры, в ее византийском облике, вписывалась в христианскую эсхатологическую экономию, воспринималась тоже как универсальная, но в другом смысле. Ее связь с экономией/икономией (домостроительством) была социологическая, не хозяйственная, связанная с благоустройством. Такой был фундамент великого спора с западной культурой в XIX столетии. Однако, вчитываясь в современные русские работы на тему геокультуры можно заметить что, хотя по отношению к характеру работы Валлерстайна ставят они правильный диагноз, то трудно определить, согласны ли они с его взглядами или нет. Улавливают ли разницу между западной традицией понимания геокультуры и русской. Какую научную ценность замечают они в его работе? Владимир Поляк следующим образом относится к научным выводам Валлерстайна:

«В его теоретических построениях само понятие культура играет подчиненную роль. Скорее она выступает синонимом культурного давления развитых стран, исповедующих перенос идеологии либерализма в развивающиеся страны, или, используя терминологию автора, на периферию»⁶.

Ефим Островский отрицает само понятие геокультура, потому что географический фактор не может быть ограничением для культуры. Термин геокультура был придуман для опровержения геополитики. Оба их Островский считает лженауками.

«Силы внутрочеловеческого пространства, которое находится внутри культуры, внутри человеческого сознания и, в котором географическое расположение человека и сообщества, и оказывается хоть и важным, но не первостепенным фактором образующим среду обитания, среду жизни» – замечает Островский и добавляет: «Язык предопределяет наши представления о мире гораздо в большей степени»⁷.

⁶ В.С. Поляк, там же.

⁷ Е. Островский, *Новые границы мира: геокультура*, Русский Архипелаг, сетевой проект «Русского мира», www.archipelag.ru, дост. 12.10.2017.

В отличие от Валлерстайна, который о геокультуре говорит исключительно в экономическом контексте, русские авторы сочетают термин геокультура с государством. «Эффективность государственной идеологии России зависит также и от динамики отечественной культуры» – пишет Островский⁸. Традиции культуры приписывает он роль защитника безопасности личности, общества и государства. Чтобы культура могла защищать государство а государство могло защитить культуру между ними необходим особый союз. На современном языке это соединяющее звено называют идеологией. Слободенюк в статье *Идеология современной России* пишет:

«Геокультура может быть представлена как система устойчивых связей и представлений, которые формируются на определенной территории в результате сосуществования, переплетения, взаимодействия, столкновения различных вероисповеданий, культурных традиций и норм, ценностных установок, глубинных психологических структур восприятия и функционирования: сохранение этих устоев позволяет говорить об уровне институционального развития»⁹.

Потому автор считает отмену ст. 13 Конституции Российской Федерации, запрещающую существование государственной идеологии, как противоречащую национальным интересам страны¹⁰.

Для Бориса Межуева и Сергея Градиrossoго геокультура – это культурные основания, обеспечивающие связность и легитимность имперских пространств даже в постимперский период. В этой парадигме изложены понятия геокультурных общностей, геокультурных связей и геокультурной периферии.

Геокультурные общности по Замятину это:

«Система наиболее мощных, ярких и масштабных геопространственных знаков, символов, характеристик, описывающая особенности развития и функционирования тех или иных культур и/или цивилизаций в глобальном контексте»¹¹.

Геокультурный момент, в котором Россия находится сейчас можно сравнить с XVII в. Ключевский обращает внимание на важное различие, какое существовало между византийскими и западноевропейскими влияниями на Русь¹².

⁸ Там же.

⁹ А. Слободенюк, *Идеология современной России*, <http://www.lawinrussia.ru/node/289949>, дост. 12.10.2017.

¹⁰ Такой же постулат выдвигает депутат партии Единая Россия Евгений Федоров. Из ст. 13 предлагает вычеркнуть п. 2 запрещающий в РФ государственной идеологии. См.: <http://www.fontanka.ru/2013/11/29/186>, дост. 12.10.2017.

¹¹ Д. Замятин, *Понятие геокультуры: образ и его интерпретации*, <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3223>, дост. 12.10.2017.

¹² В. Ключевский, *Курс русской истории. Лекция 47*, <http://www.kulichki.com/inkwell/text/special/history/kluch/kluchlec>, дост. 12.10.2017.

Греческие влияния были прививаемы Церковью и имели метафизический характер. К западным приучало государство и их целью было обеспечить политическое и материальное существование, однако они не ограничились этой функцией. Греческие влияния имели иерархический характер, касались мировоззренческой и антропологической сферы, не влияли на повседневную жизнь, обычаи. Если обычаи менялись, то не вследствие механического подражания грекам, а стремления к эсхатологическому идеалу. Это способствовало духовному единению народа, что проявилось в преодолении смуты. В отличие от этого западные влияния проникали во все сферы жизни, изменяя общественные отношения, влияя с одинаковой силой как на государственный строй, так и на образ жизни. Эти влияния приносили с собой новые политические идеи, общественные требования, области знания, обычаи, моду, привычки и поверия. Сначала лицева́ли внешний вид, впоследствии наступала перековка души. Ключевский подчеркивает, что западные влияния овладевали человеком как личностью а потом как членом общества. Всему этому не сопутствовало раздумье над духовными и умственными свойствами людей на Западе, не ставился вопрос о мировоззрении. *Временник* Ивана Тимофеева от XVII в. свидетельствует о наивном убеждении в том, что можно заимствовать достижения чужой цивилизации и одновременно защититься от чужой морали, умственной культуры, жизненных нравов, не говоря о политических и общественных моделях¹³. Поэтому очень рано Русь испытала последствия разницы заложенной в обеих культурах.

Учитывая все это надо подчеркнуть что, хотя западные влияния несомненно играли в истории России существенную роль, то эффект применения конкретных образцов был весьма оригинален. Источник этой оригинальности состоит в убеждении, что государство это особое пространство, целью которого является помочь привести все творное ко спасению. Эта оригинальность заложена, в греко-византийском мировоззрении. Мышление на тему государства в контексте культуры и метафизики созревает в Греции после персидских войн. Аристотель в своей *Политике* пишет о том, что прежде чем заняться проблемой лучшего политического строя, надо определить какова жизнь для всех наиболее желательна. Среди благ перечисляет духовные. Самое главное, чтобы человек был тождествен со своим духовным источником. Человеческая жизнь и государственное устройство тождественны космической гармонии. Наиболее зрелую форму эта мысль приобрела в философии истории Платона (VIII кн. Государства). Превосходно только Божественное – замечает Платон, государство как человеческая область должно опираться на разуме и культуре. Тимократия – власть чести, хорошего кормчего, противопоставляется номократии – власти права защищающей королевство золотого тельца.

¹³ Иван Тимофеев, *Временник*, http://www.hrono.ru/libris/lib_t/tim00.html, дост. 12.10.2017.

Союз культуры и государства построенный на фундаменте христианской метафизики выстроила Византия. С времен Константина, вселенских Соборов, шестой новеллы Юстиниана по Григория Паламу и развитие исихастской антропологии. Оттуда понятие политической исихии, которое первым употребил Гелиан Прохоров¹⁴ а за ним Владимир Петрушин¹⁵. В XIV столетии исихия проявила свои общественно-политические и культурные возможности. Была сознательно взращенным плодом византийской культуры отвечающим на вопрос о смысле жизни. Он прорастал в египетской пустыне и созрел в царском дворце. С уровня индивидуальной мистики перевоплотился в общественно-политическую программу, выходящую за границы Империи. Пустынный этап сформировал духовного человека. Империя как пространство универсального христианства защищала его вместе с Церковью – боролась против секулярного гуманизма и идее национального государства греков. Исихасты защищали христианскую универсальную ойкумену. «Народы, которые попали в культурную и политическую орбиту Византии, на пиках своего политического подъема, заимствовали геополитические инструменты своего «патрона». В той мере, в какой постепенно сокращалось ее геополитическое пространство, расширялось пространство геокультурное»¹⁶ – замечает Замятин.

В лице Сергия Радонежского слилась мистика с политикой. Сыграл он главную роль в формировании великорусского народа. После падения Константинополя политический исихазм распространяется на Московскую Русь. Отражается в культурной политике митрополита Макария, во всех фундаментальных памятниках культуры XVI в.

В отношении России не можем ставить вопрос в стиле Хантингтона о соотношении политики и религии в культуре поздней современности, он слишком поверхностный. Нельзя также применить теорию теологии политики Карла Шитда, в центре внимания которой оставался прежде всего факт, что: «Все точные понятия современного учения о государстве представляют собой секуляризованные теологические понятия»¹⁷ а сама политическая действительность отражает рай и ад. В центре русской культуры стоит не политика а человек, стремящийся к обожению и государство, которое делает это возможным. Ни человек, ни государство не отождествляются с раем либо адом.

¹⁴ Г. Прохоров, Исихазм и общественная мысль в Восточной Европе в XIV в., http://www.pushkinskijdom.ru/Portals/3/PDF/TODRL/23_tom/Prohorov/Prohorov.pdf, дост. 12.10.2017.

¹⁵ В. Петрушин, *Политический исихазм и его традиции в социальной концепции Московского Патриархата*, Санкт Петербург 2009.

¹⁶ Д. Замятин, *Понятие геокультуры: образ и его интерпретации*, <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3223>

¹⁷ К. Шмидт, *Политическая теология*, Москва 2000, с. 57

Россия унаследовала у греков пространственно-эсхатологическое восприятие действительности. Даже Советскому Союзу с его культурой соцреализма предназначенная была роль материалистического эсхатона. Речь здесь не о мессианстве, которое также сыграло свою роль, а о культуре заполняющей эсхатологическое пространство. И этот факт правильно восприняли польские авторы Открытого письма к российскому народу и властям Российской Федерации от 21 мая 2014 г.¹⁸, находя общие места для польского и русского единства и забывая о польской мессианской идее – Польша Христом народов. Другое дело, что русские комментаторы отнеслись к этому письму весьма скептически.

Русская культура отображает тот факт, что перед жителями России часто ставилась эсхатологическая задача. Это были одновременно те моменты, когда «геокультурная общность обретала новые политические формы и общество справлялось с проблемой перехода к новому укладу», сохранив фундаментальные для традиции культуры идеи онтологической идентичности. «Политика должна быть ответственная за связанность будущего с прошлым и настоящим, за сохранение должного, за преемственность. Для этого следует определить, кто мы есть, или, от чего из нашего политического и культурного наследия мы не сможем никогда отказаться»¹⁹ – замечают Градировский и Межуев. Если вглядываться в русскую историю, геокультурные критерии и геокультурные механизмы на протяжении истории ее геополитики были доминирующими. Геокультура как метод обладает уникальными возможностями и способностями в осмыслении и сохранении этих ценностей²⁰.

Библиография

Валлерстайн, И., *Анализ мировых систем и ситуация в современном мире*, перев. П. М. Кудюкина, ред. Б. Ю. Кагарлицкий, Санкт-Петербург 2001.

Градировский, Б., Межуев, *Геокультурный выбор России*, <http://www.archipelag.ru/authors/mezhuev/>.

Замятин, Д., *Понятие геокультуры: образ и его интерпретации*, <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3223>.

Островский, Ефим, *Новые границы мира: геокультура*, Русский Архипелаг, сетевой проект «Русского мира», www.archipelag.ru.

¹⁸ Открытое письмо к российскому народу и властям Российской Федерации от 21 мая 2014 г., <http://politikus.ru/events/19251-otkrytoe-pismo-k-rossiyskomu-narodu-i-vlastyam-rossiyskoy-federacii.html>, дост. 12.10.2017.

¹⁹ С. Градировский, Б. Межуев, *Геокультурный выбор России*, <http://www.archipelag.ru/authors/mezhuev/>, дост. 12.10.2017.

²⁰ Ю. Узлов, *Славянский мир в контексте Системной концепции Глобальных проблем*, http://dom-hors.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/fik/2014-3/uzlov.pdf, дост. 12.10.2017.

Поляк, В., *Израиль и Россия в 21 веке: Геополитика – геоэкономика – геокультура*, <http://bdn-steiner.ru/modules.php?name=Books&go=page&pid=6402#3>.

Слободенюк, А., *Идеология современной росси*, <http://www.lawinrussia.ru/node/289949>.

Узлов, Ю., *Славянский мир в контексте Системной концепции Глобальных проблем* http://dom-hors.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/fik/2014-3/uzlov.pdf.

Шмидт, К., *Политическая теология*, Москва 2000.